

Т.К. Михалкова

ИКОНОГРАФИЯ ФИНСКОЙ РУНОПЕВИЦЫ ЛАРИН ПАРАСКЕ

Статья посвящена иконографии финской рунопевицы Ларин Параске (1833–1904). Наиболее часто изображал Параске Альберт Эдельфельт, известно девять ее портретов кисти знаменитого финского мастера. В статье рассматриваются четыре из них. Из скульптурных изображений внимание привлекает памятник Алпо Сайло (1950), установленный в Хельсинки на проспекте Маннергейма. В статье приведены основные биографические данные Ларин Параске и сделана попытка типизации ее творческой судьбы.

Ключевые слова: иконография, Ларин Параске, рунопевица.

T.K. Mikhalkova

ICONOGRAPHY OF THE FINNISH RUNIC SINGER LARIN PARASKE

The article is dedicated to the iconography of the Finnish runic singer Larin Paraske (1833–1904). She was mostly portrayed by Albert Edelfelt (nine portraits are known). The article deals with four of them. Also under consideration is the sculptural monument of Alpo Sailo (1950) in Helsinki. The article claims to typify the creative fate of Larin Paraske using the biographical data.

Keywords: iconography, Larin Paraske, runic singer.

Рунопевица Ларин Параске, безусловно, фигура знаковая для финнов. Ее творчеству посвящено не одно исследование. Занимались историей Ларин Параске и на карельской земле, особенно в Петрозаводске. Однако образ Ларин Параске в изобразительном искусстве изучен еще недостаточно, а вместе с тем интересны как сами ее изображения, так и история их возникновения.

Параскева (Прасковья) Никитична Никитина родилась 27 декабря 1833 г. (по новому стилю 8 января 1834 г.) в ижорской деревне Мякиенкюля (Мишкула Санкт-Петербургской губернии). Из Великого княжества Финляндского, а точнее, из деревни Васкела (в переводе «Медное») Южно-Кексгольмского уезда (сейчас поселок Луговое Запорожской волости Приозерского района) была родом мать Параскевы — Татьяна Васильевна. В эту деревню Параскева и переехала в 1853 г., выйдя замуж за 39-летнего Гаврилу Степановича Васки, который выкупил ее из крепостной неволи за 24 руб.

Муж был хворый, и в хозяйстве нужны были молодые, спорые руки — Параскеве было в ту пору 20 лет. Однако их брак продлился 35 лет, умер Гаврила в 74-летнем возрасте. Параскева родила девятерых детей, шестеро из которых умерли в младенчестве. Помимо своих, она воспитывала сирот, взятых из приюта в Петербурге, за что получала деньги из казны. Параскева занималась также такой тяжелой работой, как бурлачество, поднимая против течения суда по Ладоге в озеро Сувантоярви (ныне — Суходольское). Крестьянский дом (хутор) мужа Гаврилы по финской традиции назывался *Ларин тупа* (изба Ларин). Так Параскева Никитина стала Ларин Параске — под этим именем она и вошла в историю.

Можно предположить, что и к собирателям фольклора Ларин пошла потому, что за каждую записанную руно хоть немного, но платили. Параске почти до конца жизни была неграмотна, но обладала изумительной памятью, помнила более 32 тыс. стихов, народных и собственного сочинения. Первые 24 песни записал от Ларин Параске в 1877 г. собиратель народных рун Армас Борениус-Ляхтеенкорва. Но настоящим открытием таланта Ларин Параске стала встреча в 1887 г. с пастором Вольфом Неовиусом, записавшим от Ларин 1152 песни, 1750 пословиц, 336 загадок и большое количество причитаний. При первой их встрече Параске пела пастору двое суток подряд. В 1890 г. Неовиус пригласил Параске к себе в гости в Борго (ныне — Порвоо), Параскева прожила у пастора три года, и через три года он издал первую книгу ее песен (из 15 задуманных), которая сразу сделала Параске знаменитой.

Первое изображение, которое я упомяну, как раз и будет барельеф, изображающий Ларин Параске и Неовиуса. Барельеф металлический, закрепленный на камне, окруженном скромными цветами. Он находится на одной из улиц Порвоо, ведущей к собору, совсем недалеко от последнего, по правую сторону, на небольшом холмистом возвышении, — приметен он мало, рельеф плохо различим. Но память таким образом увековечена.

Действительно, встреча с пастором стала судьбоносной для Ларин. Ее пригласили в Гельсингфорс и другие города Финляндии исполнять ижорские руны. О Ларин стали писать газеты. Плачи Ларин слушал и записывал Ян Сибелиус. Ученый Теодор Швиндт, написавший книгу «Финские узоры», благодарил Ларин за помощь в изучении народных украшений и подборе орнаментов (позже он помогал ей деньгами).

К этому же периоду относятся и живописные изображения рунопевицы. Ее образ запечатлели многие финские художники того времени: Э. Нордлунд, Б. Лагерстам, Э. Ярнефельт.

Но самыми знаменитыми являются портреты Ларин Параске работы Альберта Эдельфельта. Художник писал сказительницу девять раз. Рассмотрим четыре портрета кисти Эдельфельта. Первые три изображения достаточно однотипны. Ларин Параске изображена в национальной одежде, она играет на кантеле. В работе 1893 г. Ларин показана сидящей, инструмент лежит у нее на коленях, взгляд устремлен вдаль — звук кантеле будто замер, кажется, что рунопевица вспоминает мелодию. Белое одеяние и красный кокошник рельефно выступают на темно-коричневом фоне помещения. Особо следует обратить внимание на руки Ларин — они даже выразительнее, чем ее лицо: натруженные, узловатые, с выступающими костяшками пальцев, это, тем не менее, руки *исполнителя* — в них чувствуется застывшая музыка. Ларин неспешно и ненавязчиво входит в ваш мир: чуть приоткрыт рот, немного сутулятся плечи, совершенно отрешено лицо — «текут» руны...

Скрытое внутренне напряжение героини, видимое в этом портрете, еще сильнее чувствуется в работе «Ларин Параске исполняет плачи». Это погрудный портрет. Рунопевица изображена сидящей, по-видимому, за простым крестьянским столом в избе (сзади нее — тусклое окошко). Кантеле лежит перед ней, оно дано крупным планом, и можно хорошо разглядеть инструмент. Ларин изображена в момент непосредственного исполнения — лицо сказительницы одухотворено и искажено страданием (она исполняет причитания), в нем нет таинственной недосказанности предыдущего портрета. Ларин здесь совсем не красива, черты лица грубы и мужеподобны — тут более чувствуется тот «крестьянский тип», который она, в сущности, и олицетворяла. На первом плане — руки рунопевицы, они даже могут показаться непропорционально большими: в этом портрете руки и лицо играют одинаково выразительную роль — это два центра композиции. Хочется также подчеркнуть роль освещения: два светлых «пятна»: слева — слюдяное окно, справа — дверь — лишь внешние источники света. Освещена сама фигура Ларин: блики играют на ее одежде, узловатые фаланги пальцев подсвечены красным — это руки труженицы, не чуравшейся грубой, мужской работы. Лицо Ларин будто пышет жаром: внутренний свет сжигает ее, создает напряженность и порыв, приковывает взгляд зрителя. Вот так, в простой крестьянской избе, натруженными рабочими руками, с помощью голоса — Божьего дара — и рождаются песнопения Ларин. Думается, что это одно из лучших изображений сказительницы, не случайно именно оно было выбрано финнами для почтовой марки, выпущенной в честь 150-летия со дня рождения Ларин Параске в 1983 г.

Еще один портрет Ларин Параске работы Эдельфельта примечателен прежде всего несколько иной цветовой гаммой: не красно-коричнево-желтоватой, а сине-бело-алой, что придает портрету некоторую холодность. В остальном же образ сказительницы подан достаточно традиционно. Этот портрет представляется нам слабее двух предыдущих: на руки Ларин и здесь сделан сильный акцент, однако они представлены уже совершенно скелетированными, что производит неприятное впечатление. С первым из рассматриваемых портретов данный роднит взгляд глубоко посаженных глаз сказительницы — в нем одержимость, внутренний огонь и бездонная, почти детская голубизна. Ларин на этом портрете предстает совершенно изможденной старухой, а ведь ей — чуть больше шестидесяти.

В этой связи хочется привести слова другого известного финского художника Эро Ярнефельта, также писавшего портреты Ларин. Он оставил воспоминания о манере исполнения Параске ее песен: «Она прижалась к спинке стула и начала тихонько напевать странные и печальные строки, в которых древность представала в таинственной и трепетной дымке. Я рисовал, писал красками и с восторгом слушал. Постепенно глаза ее наполнялись слезами, и наконец она заплакала в голос. На лице ее выразилась такая искренняя печаль, что невозможно было думать, будто ее слезы неискренни. Со всей живостью своего воображения и тонкой чувствительностью она вживалась в эмоциональный мир песни, возможно, вспоминая дорогих своему сердцу усопших родителей».

Теперь мы обратимся к самому известному портрету Ларин Параске работы Альберта Эдельфельта (см. рис. 1). Он не похож на три предыдущих. Во-первых, Ларин изображена не в интерьере своей избы, а «на природе» — сзади видна изгородь, возле нее — маленькие елочки, возможно, это место перед ее хутором. В связи с этим совершенно другим предстает фон — он светлый, серо-зеленоватая трава, серый камень, на котором сидит Параске. Иначе выступает все то же традиционное белое с красным орнаментом одеяние рунопевицы — мы как бы чувствуем ворсистую, обволакивающую фактуру материала (кстати, в нашей Кунсткамере имеется точно такой наряд). Фигура рунопевицы смещена от центра немного влево, отчего создается эффект широкого пространства вокруг: эта авторская метафора подчеркивает «полет» песен и фантазий Ларин. Вторым моментом, который хотелось бы здесь отметить, является то, что Ларин изображена без инструмента — она вытянула руки, переплела пальцы. Взгляд ее устремлен вдаль. Лицо спокойно, в нем нет ни напряженного ожидания первого полотна, ни страдальческого экстаза второго; Ларин задумалась —

Рис. 1. Альберт Эдельфельт. Портрет Ларин Параске

о песне, жизни, своей судьбе. Глядя на этот портрет, признанный шедевр Эдельфельта, невольно приходит на память его другая работа — «Старухи возле церкви в Руохолахти» («Слухи») 1887 г. И хотя сюжет последней картины совершенно иной, цветовая гамма, освещение, да и сами образы финских крестьянок ставят изображение Ларин Параске в один ряд с ними.

Скульптурный портрет Ларин Параске появился много позже живописных. В 1950 г. в Хельсинки между Национальным музеем и Домом «Финляндия» на проспекте Маннергейма был установлен бронзовый памятник рунопевице. Его автором является скульптор Алпо Сайло (настоящее имя — Албин Леопольд Энлунд, умер в 1955 г.). Сайло известен в основном как автор скульптурных изображений рунопевцев и сказителей, в частности, в Сортавале есть его скульптура «Рунопевец» 1935 г. Интересно также отметить тот факт, что совсем недалеко от памятника Ларин Параске в Хельсинки, на другой стороне улицы, перед боковым крылом Национального музея, установлен бюст русского и финского языковеда Матиаса Александра Кастрена (1813–1852) — это работа Алпо Сайло 1921 г.

Но вернемся к памятнику Ларин Параске. На воспроизведениях он кажется большим, доминирующим над окружающим ландшафтом. На самом

деле это не так — памятник средних размеров, окруженный зеленью деревьев, скромно прячется в глубине на площадке, к которой ведут ступени каменной лестницы. Отсюда на нас глядит уже знакомый нам образ сутуловатой, немолодой женщины с натруженными руками — скульптор, безусловно, использовал портреты Эдельфельта. Памятник малоприметен, и указать мне дорогу прохожие смогли не сразу. Площадку скрывают от парка Теле невысокие деревья. Лицо Ларин обращено к проспекту Маннергейма. И хотя с улицы памятник практически не заметен, он тем не менее смотрится уютно, как-то камерно и по-домашнему, что очень хорошо отражает характер самой Ларин и канву ее судьбы. Также символичным представляется и близкое соседство Национального музея: Ларин Параске — тоже частичка национальной истории Финляндии и имеет право находиться рядом с собранием ее сокровищ.

Прижизненная слава Ларин была недолгой. И хотя тексты записанных от нее лирических и эпических песен были опубликованы в Англии, Чехии, Германии еще при ее жизни, доживала она свой век в нищете. В 1899 г. избу Ларин и ее земельный участок продали с молотка за недоимки, и ей пришлось жить в соседской бане. Только в 1901 г. Общество финской литературы выхлопотало ей ежегодную пенсию в 100 марок. А через год ее сын Васле сумел выкупить избу, и Ларин вернулась доживать туда. Одинокая, она умерла в нетопленной избе 3 января 1904 г. Ее похоронили на православном кладбище при Андреевской церкви в Палкеала (ныне — Замостье).

Через семь лет на ее могиле на Палкеальском кладбище Молодежное общество Южной Карелии поставило гранитный памятник, на котором были выбиты одни из наиболее известных ее строк¹:

Приносил мне песни ветер,
Ледяной порыв весенний,
Их ко мне толкало море,
Гнали их морские волны.

Со временем могила Ларин затерялась, но 29 августа 1992 г. на предполагаемом месте захоронения рунопевицы появился новый гранитный памятник, восстановленный по инициативе жительницы Замостья Л.Д. Лайдинен. Памятная табличка, говорящая, что в этом районе проживала Ларин Параске, находится на стене одного из магазинов между поселками Васкелово и Лемболово.

В 1931 г. в вышедшей в Финляндии антологии «Древние песни финского народа» отдельный том посвящен творчеству Ларин Параске — в него вошли 1152 песни, 1750 пословиц, загадки и причитания. Финская общественная организация «Союз калевальских женщин» ежегодно присуждает премию имени Ларин Параске за мастерство слова.

В Петрозаводске в 2009 г. вышел т. 2 книги «Карелия: энциклопедия» (гл. редактор А.Ф. Титов), где есть раздел, посвященный Параске². В Петрозаводске в 1986 г. вышел сборник лирических и эпических песен Ларин «Тростниковая свирель» (сост. А.А. Мишин)³. В 2004 г. к столетию со дня смерти и 170-летию со дня рождения великой ижорской рунопевицы была организована просветительская конференция «Нет родной сторонки краше...»

Судьба Ларин — яркий пример трагического поворота жизни незаурядного, талантливого «выходца из народа»: рано осиротевшая, похоронившая шестерых детей, умершая в нищете, всеми забытая Ларин осталась в памяти людской своим творчеством. Конечно, она не понимала всю силу и величие своего подвига, несмотря на кратковременный взлет славы, она продолжала ощущать себя всего лишь крестьянкой, батрачкой, единственной отдушиной которой были руны. Лирические плачи — о женской доле, печалях и радостях невесты, матери, жены, об умерших родителях и тяжести сиротства — помогали излить горе, преодолеть беду. Параскева преданно любила тот край, где выросла, его природу⁴:

Для других — края другие,
Для себя хвалю родные.
Мне чужбина — как черничка,
Край родной — как земляничка,
Белой яблони цветочек.

Сила и нежность звучат в этих стихах, и такой мы и запомним Ларин Параске: сильную духом, с трепетной и нежной душой.

Исследователи творчества Ларин Параске обычно задаются вопросом, какой культуре она принадлежит больше — финской, карельской, ижорской, русской? Но, наверное, не так уж и важно, где, как и насколько громко звучит ее имя, — не будем «делить» Ларин Параске, а взглянем на нее иначе — как на некий интернациональный символ, преодолевающий государственные границы, межнациональные предрассудки, а в конечном счете и временные барьеры.

* * *

¹ Цит. по: Параске Ларин. Тростниковая свирель: Лирические и эпические песни / сост. А. Мишин. Петрозаводск, 1986.

² Карелия: энцикл.: в 3 т. / гл. ред. А.Ф. Титов. Петрозаводск, 2009. Т. 2.

³ Параске Ларин. Тростниковая свирель.

⁴ Там же.